

**О градации условного характера номинации в тексте
(непрямая – конвенциональная – прямая): когнитивно-
семиотическое обоснование вопроса¹**

М. И. Киосе

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация: Анализируются возможности интегрированного когнитивно-семиотического подхода к пониманию феномена прямого и непрямого наименования референта в тексте. Подчеркивается роль разграничения процесса и результата наименования, прибегая к которому можно установить, как этапы конструирования образа (ов) референта соотносятся с этапами его (их) означивания на основе результатов означивания. Показано, как идея о взаимосвязи конструирования и означивания образа прослеживается в когнитивных и семиотических концепциях, и на каких основаниях может быть построено их объединение во взглядах на сущность прямой и непрямой номинации.

Ключевые слова: Ключевые слова: номинация и наименование, прямая, непрямая, конвенциональная номинация, образ референта, конвенционализация, этапы конвенционализации.

УДК: 81.13.

Контактная информация: Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1, ИЯЗ РАН. Тел. (495) 690 03 36. E-mail: maria_kiose@mail.ru.

Вводные замечания

Аспекты наименования референта в тексте нашли отражение как в семиотических, так и в когнитивных концепциях. При этом и в тех, и в других подчеркивается актуальность привлечения к анализу процесса номинативной деятельности и ее результата – собственно лексических единиц, означивающих некоторый образ референта в тексте. Однако если в семиотических

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов».

концепциях предметом исследования является семиотический потенциал знака прямой и не прямой номинации, то для когнитивного изучения номинации свойственен подход на основе выявления ментальных особенностей концептуализации и категоризации при репрезентации образа референта. Отметим, что оба подхода зиждутся на идеях логико-философской парадигмы. Ее центральное понятие в отношении вопроса наименования – понятие истинности через номинацию («...принцип предметности, опирающийся на предпосылку существования... и составляет одно из условий истинности оценки суждения» [Арутюнова, 1978, с. 179]), которое трактуется через категорию сущности (подробнее о философии имени как отражении понимания сущности см.: [Степанов, 1985]). Вариативность в понимании сущности как самостоятельной ценности (по Платону и А. Ф. Лосеву) или «сути бытия [вещи]» (по Аристотелю [1978, с. 352]) находит отражение в когнитивных концепциях вариативности когнитивной ценности референта¹, что представляет особый интерес для настоящего исследования, так как лежит в основе конструирования динамичного образа референта номинаций в тексте. С другой стороны, те же отношения вариативности, рассмотренные с позиций «собственного» и «привходящего» ([Аристотель, 1978, с. 352–357]) как категорий сущности, получили развитие в семиотических концепциях знака как двухкомпонентного феномена (означаемое и означающее²) с признанием немотивированности их связи (иллюстрация «собственного») и трехкомпонентного феномена (см. концепции знака Ч. С. Пирса, Ч. Морриса, А. Ричардса и Ч. Огдена), в которых не только постулируется возможность мотивированности знака (иллюстрация «привхо-

¹ Отметим, что и концепции когнитивной ценности имеют основание в логико-философской традиции. Здесь уместно вспомнить пример Г. Фреге о двух горных вершинах Alfa и Ateb, которые в рассказах двух путешественников были двумя пиками, а в действительности оказались одним [Frege, 1952]. Сходные идеи мы находим и у У. Куайна, где ценность является относительно связанной (например, ситуативными условиями текста) переменной («to be is to be a value of a bound variable») [Quine, 1969, p. 94]. Эти когнитивные ценности, естественно, не имеют ничего общего с провозглашенными, например, в логической теории языка Д. Дэвидсона, истинными ценностями (truth values), определяемыми как отношения между языком и реальностью (принцип истинности ценности находит отражение и в логико-прагматической концепции и Г. П. Грайса) [Linsky, 1997, p. 37–39]. Вслед за Д. Блекмор, развивающей идею Д. Уилсон и Д. Спербера о способах достижения оптимального уровня релевантности высказывания, мы полагаем, что «условия истинности не играют никакой роли в разграничении эксплицитного и имплицитного содержания высказывания» [Blakemore, 2002, p. 75].

² Однако Ф. де Соссюр не отрицает «рудиментное» подобие этой связи: «Символ не является полностью немотивированным (arbitrary), он не пустой, ведь между означающим и означаемым сохраняются рудиментные остатки естественной связи (the rudiment of a natural bond)» [Saussure, 1986, p. 68].

дящего»), но и изучаются градуальные типы такой мотивированности (концепция третичности Ч. С. Пирса)¹.

Представляется интересным связать градуальность в означивании образа с динамичностью образа референта и, таким образом, проследить, где заканчивается прямое наименование и начинается не прямое.

Для этого оказывается целесообразным объединить усилия двух подходов, семиотического и когнитивного, в поиске ответа на вопрос: как когнитивные основания процесса наименования отражаются на формировании языкового знака прямой и не прямой номинации? Мы полагаем, что обозначенные подходы можно рассматривать как дополняющие. И семиотические, и когнитивные концепции оперируют двумя типами проекций референта: знаковой и ментальной, однако в фокус исследования выводится одна из данных проекций, в то время как вторая служит «отправным моментом» исследования. Разрабатывая когнитивно-семиотический подход к феномену прямого и не прямого наименования в тексте, мы предпринимаем попытку обосновать утверждение о том, что путь формирования знака номинации отражает особенности процесса конструирования образа референта в тексте. Прямая и не прямая номинации, означивая образы одного референта, демонстрируют результат сложной взаимосвязи между операциями конструирования образа и типом его означивания.

Далее обратимся к семиотическим и когнитивным основаниям процесса и результата перехода не прямой номинации в прямую (и обратного процесса) с целью выявить особенности освещения данного вопроса в параллельно развивающихся направлениях.

О процессе и результате не прямого и прямого наименования в семиотических концепциях

В семиотических концепциях феномен номинации (прямой и не прямой) представлен и как результат, и как процесс (в настоящей работе мы считаем целесообразным разграничивать номинацию как результат и наименование как процесс). При этом прямота и не прямота номинации рассматривались как плавающие категории (т. е. подчеркивался не жесткий характер соответствия между референтом, его образом и знаком) уже в эпоху Античности (например, в типологиях знаков стоиков и Аристотеля)², т. е. задолго до того, как

¹ Естественно, мы не принимаем во внимание односторонние концепции знака (концепции логического позитивизма, в которых знак не имеет значения и сведен к форме выражения).

² В трактате *De Dialectica* (386–387) Августин высказывает идеи о том, что именно в речи как *dictio* происходит означивание, соединение обозначаемого и обозначающего, и о слове как знаке (*Verbum est uniuscuiusque rei signum, quod ab audiente posit intelligi, a loquente prolatum*) [Manetti, 1993].

Вопрос номинации объекта находит отражение в теории о трех типах именования Аристотеля, а именно в типологии одноименных, соименных и отымененных предметов. «Если же соотнесенное указывается по отношению к тому, с чем оно соотнесено, подходящим образом, причем отбрасывается все

привходящее, оставляется только то, по отношению к чему оно было указано подходящим образом, то оно всегда будет говориться по отношению к нему; так, если “раб” говориться по отношению к господину, причем отбрасывается все то, что есть для господина [как такового], привходящее (например, то, что он двуногое существо, что он способен овладевать знаниями и есть человек), и оставляется только то, что он господин, – то “раб” всегда будет говориться по отношению к нему: ведь раб называется рабом господина» [Аристотель, 1978, с. 68-69]. Здесь мы понимаем, что речь идет о релевантных и нерелевантных для наименования элементах образа референта.

В «Топике» Аристотель приводит первую известную типологию непрямых наименований, которые он называет четырьмя «видами сказываемого»: определение, собственное, род и привходящее. Так, «определение есть речь, обозначающая суть бытия [вещи]. Оно заменяет имя речью или речь речью...» [Аристотель, 1978, с. 352]. На наш взгляд, речь идет о перифрастической ре-номинации, одном из типов наименования, представляющего собой развернутую дефиницию, толкование объекта. «Собственное – это то, что хотя и не выражает сути бытия [вещи], но что присуще только ей и взаимозаменяемо с ней» [Там же, с. 353]. Непрямую номинацию мы видим в последнем указанном Аристотелем «виде сказывания»: привходящее или то, «что одному и тому же может быть присуще и не присуще», «к привходящему должны быть отнесены и сопоставления вещей между собой, каким-либо образом опирающиеся на привходящее» [Там же, с. 354]. «Привходящее» способствует приближению к сущности объекта, т. е. раскрытию сущности объекта познания. Как указывает Аристотель, «из этого же ясно, что ничто не мешает, чтобы привходящее иногда и по отношению к чему-нибудь становилось собственным. Например, быть сидящим, будучи чем-то привходящим, станет собственным, если сидит лишь кто-то один» [Там же, с. 354].

Аристотель отмечает, что номинации («тождественное») соотносятся друг с другом посредством «наведения», которое актуализирует один из четырех им названных типов сказания о тождественном. Типы отношений в плоскости «номинация – последующая номинация одного референта» рассматриваются как отношения «Предшествующего» и «Последующего». Аристотель упоминает пять видов их отношений: темпоральная отнесенность («по времени, в зависимости от которого об одном говорится как о более старом и более древнем по сравнению с другим»), отношения включения («если имеется “два”, то прямо следует, что имеется “одно”»), отношения логической последовательности («геометрические элементы по порядку предшествуют чертежам, а в искусстве чтения и письма звуки речи или буквы предшествуют словам»), отношения значимости («лучшее и более чтимое, по-видимому, по природе первее»), отношения обратного следования («о той из вещей, допускающих обратное следование бытия, которая так или иначе составляет причину бытия другой, можно было бы по справедливости сказать, что она по природе первее») [Там же, с. 357].

Теолог Средневековья Николай Кузанский высказывает важную мысль в понимании сущности прямого и непрямого наименования: «...таящаяся в нас способность заключать в понятиях первообразы всех вещей... вообще не мо-

Ч. С. Пирсом был предложен подход к описанию градации их типов по степени связанности означаемого и означающего. Не имея возможности остановиться здесь подробнее на логико-семиотических взглядах философов Средневековья и эпохи Нового времени и Модернизма (У. Оккам, Ф. Аквинский, Дж. Пуансо, Р. Декарт, Дж. Локк, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Э. Гуссерль, В. Вундт и др.), обратимся подробнее к собственно семиотическим концепциям XX – начала XXI века. Так, «идея градаций бытия – иерархии бытия» ([Степанов, 1985, с. 28]), высказанная в теории философии имени, находит отражение в семиотических воззрениях малоизвестной в России исследовательницы Виктории Леди Уэлби (Victoria Lady Welby), взгляды которой оказали огромное влияние на становление семиотических идей Ч. С. Пирса (они вели переписку). Во многом данные взгляды предопределили и канву нашего исследования, в первую очередь в вопросах соотношения прямого (literal) и непрямого (figurative) наименования. В работах «Meaning and Metaphor» (1893), «Sense, Meaning and Interpretation» (1898), «Significs and Language» (1911) В. Уэлби высказывает идею о гибкости соотношения прямого и непрямого наименований и их характеристиках. Вот что пишет Уэлби: «Как мне кажется, существует только одно явление более образное и более двусмысленное, чем метафорическое – это буквальное. Чаще всего это “буквальное” опутано образным, которое сложно распознать, даже с помощью контекста. Даже само слово “буквальный” не имеет прямого отношения к буквам и письменности» [Welby, 1893, p. 512]¹.

Уэлби также отмечает существование индивидуального восприятия и особенностей индивидуального мышления в разграничении прямого (она называет его Простым, Plain Meaning) и непрямого наименования, а значит, и в восприятии референта. Уэлби пишет, возможно, аллегорично связывая свои идеи с идеями И. Канта и его «Критикой Чистого Разума» в вопросах эмпирического (апостериорного) познания: «Мы ошибочно полагаем, что все слушатели и читатели обладают общим опытом. Мы практически считаем, что они видят и слышат одно и то же и одинаково это воспринимают; что объектами их внимания оказываются одни и те же вещи, что их ассоциации, механизмы памяти, логические операции работают одинаково... Да, мы нуждаемся в “Критике Простого Значения”!» [Ibid., p. 513]².

жет получить соответствующего имени. Как человеческий рассудок не достигает сущности божьих творений, так не достигает ее и имя... Именно на определенном основании мы называем одну вещь одним именем и ту же вещь на другом основании – другим... точного наименования мы не знаем» [Кузанский, 1978, с. 58].

¹ Точная цитата: «One is tempted to say that there is only one term more figurative as well as more ambiguous than “metaphorical”, and that is “literal”. Most certainly much that is called “literal” is tinged with the figurative in varying degrees, not always easy to distinguish, even with the help of context. The word “literal” itself is indeed a case in point. It has rarely, if ever, any reference to writing».

² Точная цитата: «We have been virtually assuming that our hearers and readers all share the same mental background and atmosphere. We have practically supposed that they all look through the same inferential eyes, that their attention waxes

О взаимосвязи знаков прямого и непрямого наименования пишет Л. Витгенштейн. Ссылаясь на его слова об определении одного знака через другой¹, можно говорить об их взаимосвязи на основе элементов ментальных репрезентаций.

Далее обратимся к семиотическим концепциям, связывающим элементы образов референтов с их знаками (прямыми и непрямыми номинациями) на основе изучения процесса наименования. Такой подход позволяет представить типы знаков в градации от «более непрямым» к «более прямым». Речь идет о концепции генерации и распада знака, что нашло отражение в многочисленных концепциях символа, его рождения и трансформации.

Рассмотрим, как представлена градация знаков в трихотомической типологии Ч. С. Пирса и почему дихотомическая концепция знака Ф. де Соссюра может быть представлена не как противоречащая ей, а как дополняющая. Речь идет о месте языковых и речевых проявлений в указанных типологиях знака. Притом структура знака, предложенная Ф. де Соссюром, отражает структуру знака в языке, теория Ч. С. Пирса в большей степени демонстрирует переход от знака в речи к знаку в языке.

Отмеченная Ф. де Соссюром, но не представленная в собственной концепции знака взаимосвязь отношений *in praesentia* (в речи, «оно основывается на двух или большем числе членов отношения, в равной степени наличных в актуальной последовательности») и *in absentia* (вне дискурса, в языке, «не опираются на протяженность, локализируются в мозгу и принадлежат тому хранящемуся в памяти у каждого индивида сокровищу, которое и есть язык») [Соссюр, 1977, с. 155–156]), получила развитие в семиотической концепции Ч. С. Пирса, которая позволяет предположить варианты перехода от языкового к речевому и наоборот (как мы уже отметили, именно переход от языкового к речевому иллюстрирует конструирование образа референта непрямой номинации в тексте)².

and wanes at the same points, that their associations, their halos of memory and circumstance, their congenial tendencies to symbolize or picture, are all on one pattern. Verily, we need a “Critique of Plain Meaning”!».

¹ «Каждый определенный знак указывает на те знаки, посредством которых он был определен, а определения показывают путь. Два знака, один – первичный, и другой – определенный через первичный, не могут обозначать одним и тем же способом. Значения первичных знаков можно разъяснить. Разъяснения суть предложения, которые содержат первичные знаки. Они, следовательно, могут быть поняты только тогда, когда уже известны значения этих знаков» [Витгенштейн, 2010, 3.263].

² Трихотомический подход (свое пристрастие к третичности сам Пирс называет *triadomania*: «I find myself obliged, for truth's sake, to make such a large number of trichotomies...») [Peirce, 1958, CP 1.568]) Ч. С. Пирс развивает, обращаясь к третичности Канта, «королю современной мысли, который первым обратил внимание на частотность логико-аналитических преобразований, связанных с феноменом третичности» (Kant, the King of modern thought, it was who first remarked the frequency in logical analytics of trichotomies or threefold distinctions) [Ibid., CP 1.369]. Как отмечает Макс Фиш, существует мнение о том, что

Концепция знака Ч. С. Пирса, которая, как отмечает Ф. Меррел, может быть описана в терминах взаимозависимости, взаимоотношенности и взаимодействия: от икон и индексов до символов, от Первичности и Вторичности к Третичности, объясняющая как сущность процесса генерации (*generacy*), так и распада (*degeneracy*) знака [Merrel, 2009, p. 29], позволяет рассмотреть означивание образа референта не только как результат, но и как динамический процесс посредством выстраивания отношений между Интерпретантой (значение / понятие, «the mental effect, or thought, its interpretant») и уже обозначенными Соссюром компонентами Означающего (которое Пирс называет Репрезентантой, «A representation is that character of a thing by virtue of which, for the production of a certain mental effect, it may stand in place of another thing. The thing having this character I term a representamen») и Означаемого (которое Пирс называет Семиотическим Объектом, «the thing for which it [a representamen] stands») [Peirce, 1958, CP 1.564]¹. Первичность, или гипоиконичность (*hypoicons*, термин Пирса), представлена в работе Пирса тремя категориями: образами, диаграммами и метафорами (отражающими прямую связь с ощущениями). Вторичность, или индексальность, уже отражает результаты взаимодействия семиотических объектов. Пирс описывает различные типы взаимодействия: действие-реакция, взаимодействие по смежности, часть-целое, контейнер-содержимое, причина-следствие. Третичность, или символичность, возникает как результат индексального расширения иконичности интерпретатором знака (это единственный путь возникновения третичности, по Пирсу). Символ в работах Пирса выступает как знак репрезентации не отдельного объекта, а рода объектов. Символ противопоставлен первичности и вторичности как отношение будущее – прошлое – *hic et nunc* (здесь и сейчас): «Бытие иконического знака принадлежит прошлому опыту. Он существует только как образ в памяти. Индекс существует в настоящем опыте. Бытие символа состоит в том реальном факте, что нечто определенно будет воспринято, если будут удовлетворены некоторые условия, а именно если символ окажет влияние на мысль и поведение его интерпретатора» [Ibid., CP 2.337–353].

В современном понимании применительно к лингвистическим феноменам метафора трактуется как знак иконической природы, а метонимия – как знак индексальной природы. При этом символ в силу своей конвенциональности может быть рассмотрен как знак конвенциональной номинации, т. е. такой, которая является прямой по отношению к некоторому интегративному образу референта в определенном тексте. Причиной этого является высокая частот-

логические отношения трихотомии предложили Ян Лукашевич и Эмиль Пост в 1920 году, однако Пирс разработал матричный метод для третичной логики десятью годами ранее, в 1909 [Fish, 1986, p. 172]. Однако отметим, что так называемый третеизм как развитие тринитарного догмата, был характерен для средневекового номинализма, в частности для учения Иоанна Росцелина (ок. 1050 – ок. 1122).

¹ Необходимо также отметить, что в некоторых теориях знака присутствует тенденция разграничения значения и понятия, что нашло отражение в трапециевидной структуре знака (слово – значение – понятие – референт) [Арнольд, 1991, с. 97].

ность использования данных третичных знаков для означивания одного и того же референта (в тексте), благодаря чему они становятся обыденными и устойчивыми.

Интерес к конвенциональным знакам, являющимся результатом «смешения» более простых знаков, начинается с работ Р. О. Якобсона, который, обращаясь к концепции Пирса, отмечал, что «самые совершенные из знаков» – те, в которых иконические, индексальные и символические признаки «смешаны по возможности в равных отношениях» [Якобсон, 1983, с. 102–117]. На основе данной теории модуляции или расширения значения (*extension*, термин Пирса) разработаны семиотическая концепция метафтонимии Л. Гуссенса и концепция призматической модели взаимодействия метафоры и метонимии Д. Герартса. Рассмотрим концепции взаимодействия иконических и индексальных знаков, описанных в работах Гуссенса и Герартса применительно к феномену не прямой номинации в тексте.

В работе «*Metaphonymy*» Л. Гуссенс на материале фразеологизмов рассматривает четыре типа взаимодействия иконических (метафоры) и индексальных (метонимии) знаков в дополнение к несмешанным типам (*pure metaphor and pure metonyms*) [Goossens, 1990]).

1. Метафора от метонимии («*metaphor from metonymy*»), в тех случаях, когда мы осознаем метонимическое основание в метафоре («*we are still aware of the metonymic basis in the metaphorical interpretation*» [Forceville, 1995, p. 640])). Пример Гуссенса: *to beat one's breast* (бить себя в грудь кулаком, публично выражая свою досаду и недовольство) – метафорическое расширение метонимии, состоящее в открытом выражении своего огорчения.

2. Метонимия внутри метафоры («*metonymy within metaphor*»). Пример Гуссенса: *to bite one's tongue* (прикусить язык), где *язык* используется в метафоре как метонимическое расширение (с другой стороны, и сужение) способности человека к порождению речи.

И более редкие типы.

3. Метафора внутри метонимии («*metaphor within metonymy*»), в том случае, когда требуется придание дополнительной экспрессивности, пример Гуссенса: *to be on one's hind legs* (подняться, встать) – как метонимия, внутри которой используется метафорическое расширение *задние ноги*, реализующее метафору человек-животное.

4. «Деметонимизация» внутри метафоры («*demetonymization inside a metaphor*», «*demetonymization in a metaphorical context*»), пример Гуссенса: *to pay lip service* (морально поддерживать, словесно. Однако, как полагают современные исследователи процесса взаимосвязи метафоры и метонимии, данный пример не может служить полноценной иллюстрацией деметонимизации, так как метонимический характер метафоры еще сохранен в ее значении [Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa, 2011, p. 20].

В призматической модели интеракции метафоры и метонимии (с опорой на положения Р. О. Якобсона) Д. Герартс также развивает идею метафорометонимического континуума. Герартс выделяет три способа такого взаимодействия: последовательная интеракция («*consecutive interaction*»), параллельная интеракция («*parallel presence*») и взаимозаменяемая интеракция («*interchangeability*») [Geeraerts, 2002, p. 436]. Свою модель он строит на типологии

метафоро-метонимических типов расширения значения Гуссенса. Герартс также говорит о возможности использования данной модели для анализа как статических (языковых) проявлений номинации, так и динамических (речевых). Возможность распада конвенционального знака в данной модели не предусматривается.

Однако для нашего исследования распад сложного знака представляет особый интерес, так как в тексте отмечены множественные случаи не только конвенционализации знака непрямой номинации, но и его последующей окказионализации. Поэтому мы вновь обращаемся к опередившей свое время концепции Пирса (она представляется нам более основополагающей, чем концепция о демеетонимизации Гуссенса) о распаде (*degeneracy*) третичности, которая, на наш взгляд, лежит в основе окказионализации номинации¹.

Рассмотрим сущность процесса распада конвенциональных знаков (символов) так, как он описан Ч. С. Пирсом. Как мы уже упомянули, распадом знака Пирс называет процесс, обратный генерации третичного знака (индексального расширения иконичности). Процесс распада характеризуется распадом знаков большей сложности путем преобразования их в знаки первого и второго порядка (в нашем случае знаки непрямой номинации). Как отмечает Пирс, можно говорить о двух типах распада знака – первой и второй степени. Первая степень распада соответствует образованию знаков индексального типа, вторая – иконических знаков [Peirce, 1958, CP 2.246-2.72]. Таким образом, мы можем говорить не только о языковой (в отличие от речевой) метафоре, но и о языковой метонимии как семиотических знаках – результатах распада конвенционального знака первой и второй степени соответственно. Как основную схему распада конвенционального знака мы считаем возможным рассматривать образование новых не прямых наименований в случае смены референта, означиваемого данным знаком. Новый референт «получает» конвенциональную для иного референта номинацию, которая применительно к означиванию его образа становится не прямой.

Каковы причины текстовой окказионализации и конвенционализации номинации? Семиотические теории не могут дать ответ на этот вопрос без привлечения когнитивных положений об изменениях неязыкового образа референта, которые и способствуют смене его языкового образа.

Связующим звеном между семиотическими и когнитивными подходами, в которых рассматривается явление не прямой (конвенциональной) и прямой номинации, является положение о когнитивной ценности знака, которое и определяет его принадлежность к тому или иному типу. Высказанное Соссюром и получившее развитие во французской семиотической школе, оно стало центральным в когнитивной лингвистике. Подробнее рассмотрим, как представлены изменения в неязыковом образе референта в когнитивных теориях.

¹ Однако концепция метафтонимии Гуссенса позволяет проследить возможность разноплановой структуры и процесса генерации сложного семиотического знака: не только посредством индексального расширения иконичности (единственный вариант, предложенный Пирсом), но и посредством иконического расширения индексальности.

О конструировании и интеграции образов референта в когнитивных концепциях

Конструирование образа референта в тексте и формирование интегративного образа из множественных образов одного референта является отражением меняющейся когнитивной ценности концептуальных элементов структуры образов референта. В определении когнитивной ценности образа референта роль разграничения сознательного или бессознательного «отсеивания» проекций свойств референта не велика. Вслед за Н. А. Кобриной мы полагаем, что «границы между сознательным и бессознательным проявлением ментальности не являются жесткими и четко определяемыми, они формируются на основе потребностей, возникающих в процессе коммуникативной деятельности человека. Полифункциональность есть свидетельство неоднозначности соотношения ментальной деятельности и вербализации» [Кобрина, 2005, с. 60]¹. Поэтому мы полагаем, что речь может идти только об относительных ценностях, релевантных для данной ситуации (в тексте), т. е. определяемых когнитивными особенностями номинации². Отметим, что вслед за многими исследователями мы не предпринимаем попытку разграничения коммуникативных и когнитивных ценностей содержания образа референта в данной работе [Langacker, 2000; Jackendoff, 2002]. Мы полагаем, что и коммуникативные ценности имеют когнитивную природу, поэтому рассматриваем их как когнитивные.

Относительность характера когнитивных ценностей накладывает отпечаток и на роль в тексте прямых и не прямых номинаций, означающих разные образы одного референта. Относительность когнитивных ценностей образа референта объясняет неоднозначность прямого и непрямого характера номинации, их определенность только относительно друг друга и относительно каждого конкретного человека в каждом конкретном контексте. Именно когнитивные ценности и определяют номинацию как прямую или не прямую.

Также возникает вопрос: какой же образ референта, получающий прямое или не прямое означивание в тексте, является первичным в нашем сознании? Данный вопрос мы оставляем открытым в нашем исследовании. Мы полагаем, что он может служить продолжением вечного философского вопроса «курицы и яйца», где отношения прямой и не прямой номинации выступают как прекрасная иллюстрация невозможности однозначного решения этого вопроса. Однако применительно к тексту представляется возможным говорить об исходном образе референта, который создает автор при первом означивании референта, и последующих образах, которые являются трансформациями исходного образа. Исходный образ референта может быть создан как прямой, так и не прямой номинацией в зависимости от интенциональной установки автора текста на экспликацию или импликацию тех или иных когнитивных ценностей.

¹ О роли бессознательного в конструировании образа референта см., например: [Lacan, 1966; Derrida, 1967].

² О когнитивно-коммуникативном подходе см., например: [Кубрякова, 2004а; 2004б].

Когнитивная ценность концептуального элемента в структуре образа референта формируется по ходу его познания. Цитируя М. Мерло-Понти, «окружающий мир¹ возникает посредством актуализации деятельности организма – ведь организм может существовать, только если он сможет найти свое место в окружающем мире» [Merleau-Ponty, 1963, p. 13]². Т. Себеок добавляет, что «это взаимодействие является обязательным, так как организм и окружающий мир (Umwelt) формируют единую систему» [Sebeok, 1984, p. 214]³.

Вопрос конструирования разных образов референта на основе меняющихся когнитивных ценностей мы рассматриваем с позиций выдвижения в образе референта элементов, проецирующих одни ценности, и «задвижения» других (фокусирования и дефокусирования). Фокусирование тех или иных концептуальных элементов в формирующейся структуре образа референта является следствием их меняющейся когнитивной ценности (подробнее о фокусировании и дефокусировании см.: [Givon, 1987; Chafe, 1994; Talmy, 1996; Langacker, 2000; Ирисханова 2007]).

Как меняется когнитивная ценность элементов образа референта при конструировании единого текстового (интегративного) образа референта (т. е. при повторном и многократном наименовании одного референта)?

В когнитивно-функциональных концепциях повторного и множественного наименования референта данный процесс описывается в терминах коннекционистской теории, самым распространенным вариантом которой на сегодняшний день является теория когнитивной интеграции (наиболее ранние работы в указанном направлении: [Fauconnier, 1997; 2001; Grady et al., 1999]), которая в последние годы трансформировалась в теорию любого типа взаимодействия ментальных пространств⁴. Коннекционистские модели позволяют включать в себя неограниченное количество сближаемых ментальных пространств, объясняя варианты взаимодействия между ними типами взаимодействий внутренних элементов⁵ на основе меняющейся когнитивной ценности данных элементов.

¹ Здесь исследователь опирается на концепцию об Umwelt вслед за Якобом фон Иксюлем и его идеями о внутреннем и внешнем («inside» и «outside»), а также на воззрения Т. Себеока.

² Точная цитата: «The environment emerges from the world through the actualization or the being of an organism – [granted that] an organism can exist only if it succeeds in finding in the world an adequate environment».

³ Точная цитата: «For any communication this complementary relationship is obligatory, because the organism and the Umwelt together constitute a system».

⁴ Здесь необходимо отметить и существование двухпространственных моделей взаимодействия элементов при конструировании образа референта непрямой номинации, например, в [Lakoff, 1980].

⁵ Назовем некоторые из коннекционистских моделей, развивающих теорию интеграции. Это концепции интра- / интеркатегориальной конверсии («intracategorical / intercategory conversion») Л. Талми [Talmy, 2000, p. 41]; группировки концептуальных структур («structural alignment») Д. Гентнера [Gentner, 1983, p. 162] (основными принципами модели исследователь называет одно-однозначное соответствие, параллельные связи, системность («one-to-

Для изучения вопроса о соотношении образов непрямой, конвенциональной и прямой номинации особый интерес представляют разработанные в рамках теории интеграции схемы взаимодействия элементов при конструировании образов референтов не прямых номинаций. Те же самые схемы используются и для анализа интегративных образов референта – отражения его множественных наименований в тексте. Так, Ж. Фоконье описывает три схемы конструирования образов референта (на основе разграничения нескольких типов пространств: двух исходных пространств (input spaces), общего пространства (generic space) и смешанного пространства (blended space, или blend): простые (simplex); «зеркальные» (mirror), в которых все четыре компонента являются составляющими одного фрейма; однопространственные (single-scope), организующие единое ментальное пространство за счет фокусирования элементов одного фрейма в формирующейся структуре другого; двухпространственные (double-scope), в которых фокусируются элементы двух фреймов (часто рассогласующиеся). [Fauconnier, 1997]. Новый образ референта не прямой номинации, как отмечает Ж. Фоконье, может создаваться за счет реализации разнообразных отношений между компонентами бленда, например, причинно-следственных отношений, отношений идентичности, времени, пространства, части-целого, аналогии и дизаналогии, компрессии и декомпрессии, принадлежности и др. Здесь целесообразно обратить внимание на сходство выявленных типов отношений с отношениями между семиотическими объектами, которые описывает Ч. С. Пирс.

Рассматривая приведенные Ж. Фоконье типы отношений компонентов в структуре образов референта не прямой номинации, мы, однако, не склонны считать, что образ референта есть неделимый, неразложимый сплав концептуальных элементов. Иначе говоря, мы полагаем, что образ референта имеет определенную структуру, представленную ядерными и периферийными элементами разных категорий (неязыковых и языковых). Фокусирование некоторых элементов при конструировании нового образа референта прямой или не прямой номинации переводит эти элементы в центральное, ядерное положение в структуре образа. При этом основным является вопрос, какое положение в структуре исходного образа референта имели данные элементы – ядерное или периферийное? Если они занимали периферийное положение, то, выведенные

one correspondence, parallel connectivity, systematicity» [Ibid.]); концепцию конволюции или векторности («convolution theory», где под конволюцией понимается такой процесс объединения концептуальных структур, при котором «они тесно переплетаются, а не просто синхронизируют свои составляющие» («a process of convolution in which neural activity is twisted together rather than synchronized») П. Тагарда и Т. Стюарта [Thagard, Stewart, 2011, p. 2]; концепция взаимного сцепления («reciprocal coupling / causation»), в которой две объединяющиеся структуры рассматриваются как компоненты более крупной системы («two reciprocally coupled systems are treated as components of a larger system») Р. Менари [Menary, 2007, p. 38]; теория удвоения процесса интеграции, в которой процесс взаимодействия концептуальных структур представлен как сопровождающийся конструированием сложного сценария («dual-process theory») Э. Висневски и Б. Лав [Wisniewski, Love, 1998, p. 179], и др.

в процессе фокусирования в центральное положение в структуре нового образа референта, они трансформируют образ референта, и его означивание новой номинацией результирует появление не прямой номинации. Если же элементы сохраняют центральное положение, то означивающая образ номинация носит прямой характер. Высказывая такое предположение, мы опираемся, прежде всего, на идеи о прототипической и непрототипической организации структуры концептуальных категорий, где прототип категории определяется как конструирующий ее центр, а менее релевантные элементы категории – как периферия. Данные идеи применительно к неязыковым категориям были высказаны Э. Рош [Rosch, 1975, 1978] и представляют особый интерес для разграничения структур образов референта прямой и не прямой номинации.

Однако формирование единого текстового образа референта не есть сумма всех образов референта, создаваемых по ходу развертывания повествования. Взаимодействие их концептуально-категориальных структур подразумевает поддержание активного уровня репрезентации одних элементов и перемещение в неактивное состояние других. При этом в тексте происходит повторная и множественная активизация одних элементов, а другие, переместившись в неактивную позицию, занимают это положение (периферийное) и в едином текстовом образе референта.

Данный процесс описывается в теориях закрепления нового элемента в структуре образа референта (явление носит название «entrenchment») Р. Лэнгекера [Langacker, 1987] и Х. Шмида [Schmid, 2007], в которых раскрываются возможности конвенционализации ядерного и периферийного положения элементов.

Что же способствует конвенционализации структуры образа референта не прямой номинации и как сама не прямая номинация становится конвенциональной? Для ответа на поставленный вопрос необходимо соединить когнитивную и семиотическую стороны процесса наименования образа референта.

Когнитивно-семиотический взгляд на проблему прямого и непрямого наименования в тексте: интеграция подходов

Предпримем попытку представить общее когнитивно-семиотическое видение процесса окказионализации / конвенционализации номинации в тексте. Все сказанное выше подводит нас к поминанию прямого и непрямого процесса означивания референта как динамического, с постоянной сменой характера номинации в тексте.

Образ прямой номинации представляется наиболее устойчивым (опять же иллюстрация «собственного»), в то время как образ не прямой номинации отражает лишь результат одного из многочисленных этапов проецирования свойств референта («привходящее»). Здесь обращает на себя внимание взаимосвязь дихотомии прямая – не прямая номинация с дихотомией языка и речи в демонстрации отношений устойчивого – динамического. Поэтому на первый план выступают семиотические положения о динамическом (и циклическом) характере процесса наименования образа референта и когнитивные положения

о фокусировании и дефокусировании элементов образов и об интеграции образов при множественном означивании одного референта в тексте.

При фокусировании в образе референта номинации неядерных элементов структуры образа и означивании нового образа новой номинацией мы отмечаем ее окказиональный характер. При закреплении фокусного элемента в ядре структуры образа референта посредством повторного означивания референта данной номинацией меняется не только структура интегративного образа референта, но и сам характер номинации. Она становится конвенциональной по отношению к данному референту в данном тексте. Мы полагаем, что третьей ступенью конструирования номинации в тексте может стать ее переход в прямую в случае ее множественного использования применительно к одному референту в тексте.

Итак, под конвенционализацией применительно к феномену прямой – непрямой номинации в тексте мы понимаем процесс закрепления непрямой номинации / номинативной конструкции за некоторым референтом, в результате которого номинация начинает выполнять функцию прямой по отношению к референту (подробнее о конвенционализации не прямых номинаций в языке см.: [Nöth, 1985]). При этом возможный путь номинации (прямая – не прямая – конвенциональная – прямая) отражает результат взаимодействия образов референта. Единый образ референта получает означивание в тексте и может быть поэтому подвергнут анализу с изучением его семиотической и когнитивной составляющих.

Конвенционализация непрямой номинации является семиотическим отражением когнитивно-функционального процесса конструирования устойчивого образа данного референта в тексте. Притом что референт может быть означен в тексте разными непрямыми номинациями, временное фокусирование периферийных элементов нового образа референта далеко не всегда способствует их перемещению в центральное положение в структуре интегративного текстового образа референта (даже при повторном означивании одной номинацией). Таким образом, ядро интегративного образа референта в тексте не является суммой всех фокусов отдельных образов референта, но содержит наиболее существенные элементы как результат множественных актов познания. Ядро такого образа формируется, с одной стороны, из элементов – «типичных представителей» той референциальной категории, которую реализует данный образ. С другой стороны, в ядре образа оказываются те элементы, которые фокусируются в каждом новом его образе.

Кратко обозначим основные особенности конвенционализации непрямой номинации для означивания текстового образа референта.

1. В процессе повторного (множественного) означивания одного референта может происходить закрепление непрямой номинации за данным образом (конвенционализация и образа, и номинации). Такое явление возникает как результат множественной активизации концептуального элемента непрямой номинации, который становится центральным в текстовом образе референта.

2. Непрямая номинация, которая подверглась конвенционализации, меняет свой статус с непрямой на прямую в отношении определенного референта в данном тексте.

3. Путь конвенционализации номинации может быть описан в рамках нескольких этапов: от текстовой конвенционализации до языковой конвенционализации. В задачи данного исследования входит изучение особенностей текстовой конвенционализации не прямой номинации.

4. Опора на семиотические концепции позволяет сделать вывод о возможности представления процесса означивания как циклического процесса, где функция номинации по ходу развертывания повествования может неоднократно меняться. Этому способствует динамический характер процесса конструирования текстового образа референта.

5. Граница между непрямотью, конвенциональностью и прямотью номинации является подвижной, зыбкой. Она может быть нарушена использованием уже ставшей конвенциональной номинации для означивания иного референта в тексте или путем реализации приема рассогласования интегративного конструируемого образа с отдельным образом.

Опишем этапы семиотической конвенционализации номинации как знака номинации. Это первичное означивание определенного референта; повторное означивание референта; закрепление номинации за референтом; далее возможно расширение референциальной отнесенности номинации (что подразумевает новый виток означивания с помощью не прямой номинации).

Конвенционализацию образа референта номинации сопровождают следующие этапы: фокусирование некоторого элемента как перемещение периферийного элемента в центр образа референта; повторное фокусирование элемента в центральном положении в структуре интегративного образа референта; дефокусирование элемента и, как результат, его закрепление в ядре интегративного образа референта.

Далее проиллюстрируем описанные особенности окказионализации и конвенционализации номинаций применительно к трансформирующемуся в тексте образу референта. Особое внимание обратим на гибкость в смене характера номинации.

Иллюстрация «прямоти» и «непрямоти» номинации как отражение когнитивно-семиотических особенностей наименования

Проиллюстрируем динамичность и цикличность смены характера номинации в тексте на примере рассказа Ю. Сотника «Невиданная птица»¹. Краткое содержание рассказа. Дети увидели пролетающую над ними огромную птицу и устремились за ней. Подойти к упавшей птице они, однако, не осмелились. Один из ребят решил подстрелить птицу. Подстреленная птица оказалась умело сделанной моделью планера.

Референциальная категория принадлежности образа референта (птица, живое, не-лицо) и означенная номинацией *птица* многократно поддерживается текстом:

¹ См.: Сотник Ю. Архимед Вовки Грушина. М.: Детская литература, 1982. 240 с.

В каких-нибудь трех метрах от ребят пролетела огромная, невиданная птица. Распластав в воздухе черные крылья, она мелькнула над тропинкой (с. 5–6);

Подстрелим ее, птицу эту (с. 7);

И вот началась охота на невиданную птицу (с. 8);

Птица взмыла вверх, перекувырнулась в воздухе и помчалась прямо на маленькую темную фигурку, застывшую с приподнятым ружьем (с. 10).

Всего используется 12 номинаций *птица*, из них одна в метапозиции. Также в тексте используются субкатегориальные номинации: *кондор*, *орел*, *журавль* (ребята пытаются предположить, что за птица может обладать такими огромными размерами). Номинация используется в различных синтаксических позициях, в том числе в позиции подлежащего – темы (что также указывает на ее конвенциональный характер). Прямой характер номинации, таким образом, не вызывает сомнения.

Далее в тексте, однако, происходит семантический скачок в трансформации образа референта – номинация из прямой становится непрямой:

Дима отошел в сторону и поднял один из кусков, на которые распалась «птица». Это был продолговатый предмет длиной чуть побольше метра. <...> – Герой! Охотник! Ты... ты знаешь, что подстрелил? Модель! Авиамодель подстрелил! (с. 12).

Номинация *птица* меняет свою текстовую функцию и становится непрямой, что дополнительно маркируется в тексте кавычками.

По тексту отмечена реализация субкатегориальных номинаций (*кондор*) уже в функции непрямой номинации по отношению к референту (отметим маркированность непрямой функции номинации в виде кавычек):

– Наш герой бабахнул второй раз, его «кондор» развалился, и вот вам результат (с. 20).

В тексте приводится большое количество сравнительных конструкций, закрепляющих два образа референта прямой и непрямой номинаций: *модель самолета и птица*:

– Я ее за кондора принял (с. 18).

– Я, конечно, видел, что это похоже на птицу, но я же знаю, что таких больших птиц не бывает (с. 21).

В завершение текста номинация *птица* по отношению к референту – *модели планера* – вновь приобретает характер конвенциональной, и вновь меняет свою функцию с непрямой на прямую. Это дополнительно маркируется отсутствием кавычек и синтаксическим положением в позиции подлежащего:

Моделисты бегали по полю, таща за собой планеры на длинных тонких шнурках – леерах. Белые, голубые, желтые, синие птицы взмывали в небо и, отцепившись от лееров, начинали парить (с. 22).

Приведенный текстовый пример демонстрирует не только возможность смены характера номинации с прямой на непрямую при наименовании одного и того же референта, но и обратную смену функций номинаций в тексте.

Впоследствии (при последующем использовании номинации) возможны три альтернативы дальнейшего развития процесса конструирования и означивания образа номинации:

- 1) обратная смена функции номинации с непрямой на прямую в данном тексте;
- 2) сохранение за номинацией функции прямого означивания референта в данном тексте;
- 3) дальнейшая конвенционализация образа и номинации в пространстве некоторых текстов и даже в языке. Такая ситуация может иметь две возможности конструирования:
 - а) конвенционализация номинации применительно к определенному референту;
 - б) конвенционализация номинации за счет расширенной референции.

Заключение

Таким образом, процесс смены характера номинации, представленный с опорой на семиотические и когнитивные основания процесса и результата наименования и этапы семиозиса, предстает перед исследователем как динамический, циклический, неподвластный единой модели алгоритмизации. Мы видим, что текстовый образ референта формируется на основе сложных нелинейных взаимодействий между образами референта. В тексте происходит вторичная актуализация некоторых элементов образа референта. Некоторые затухающие элементы могут вновь актуализироваться, а могут и не актуализироваться.

Конструирование единого текстового образа референта из отдельных образов носит, скорее, сетевой характер. При этом что формирование текстового образа происходит поступательно с развитием сюжетной линии текста, в его модульной репрезентации участвуют все предыдущие модули, как участвуют и все использованные для означивания этих образов номинации. Этапы означивания образов отражают этапы конструирования текстового образа референта.

Как мы показали, интеграционный подход оказывается неотъемлемым компонентом анализа динамического процесса прямого и непрямого наименования референта, однако необходимо дальнейшее развитие выработанных в его недрах положений.

Объединение когнитивного и семиотического подходов вносит существенные коррективы в понимание процесса конструирования прямых и не прямых номинаций и их означивания в тексте.

Литература

- Аристотель*. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
- Арнольд И. В.* Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
- Арутюнова Н. Д.* Элементы теории референции // Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. Л. Добросельский. АСТ Астрель, 2010. 192 с.

Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. тр. / РАН, Ин-т языкознания; ТГУ им. Г. Р. Державина. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 69–79.

Кобрина Н. А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3 (006). С. 59–69.

Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004а.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004б. Вып. 1. С. 6–17.

Кузанский Н. Простец об уме // Николай Кузанский. Соч. В 2 т. Т. I. М.: Мысль, 1979. С. 385–444.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства). М.: Наука, 1985. 336 с.

Соссюр Ф. Синтагматические отношения и ассоциативные отношения // Труды по языкознанию / Пер. с фр. А. А. Холодовича М.: Прогресс, 1977. 694 с.

Якобсон Р. О. Семиотика. М.: Радуга, 1983. 638 с.

Chafe W. Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago University Press, 1994. 327 p.

Derrida J. L'écriture et la différence. P.: Seuil, 1967. 437 p.

Fauconnier G. Mappings in Thought and Language. Cambridge Univ. Press, 1997. 205 p.

Fauconnier G. Conceptual Blending and Analogy // The Analogical Mind: Perspectives from Cognitive Science / Eds. D. Gentner, K. J. Holyoak, B. N. Kokinov. Bradford Books, 2001. P. 254–285.

Fish M. H. Peirce, Semeiotic and Pragmatism / Eds. K. L. Ketner, Ch. J. W. Kloesel. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986. 465 p.

Forceville C. Review of Louis Goossens, Paul Pauwels, Brygida Rudzka-Ostyn, Anne-Marie Simon-Vandenberghe and Johan Vanparys. By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective // Journal of Pragmatics. 1995. № 28. P. 637–644.

Frege G. On Sense and Reference. Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege / Eds. P. Geach, M. Black. Oxford: Blackwell, 1952 (1892). P. 56–78.

Geeraerts D. The Interaction of Metaphor and Metonymy in Composite Expressions // Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast / Eds. R. Dirven, R. Porings. Berlin; N. Y., 2002. P. 435–465.

Gentner D. Structure Mapping: A Theoretical Framework for Analogy // Cognitive Science. 1983. № 7. P. 155–170.

Givon T. Beyond Foreground and Background // Coherence and Grounding in Discourse / Ed. by R. S. Tomlin. Amsterdam; Philadelphia, 1987. P. 175–168.

Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. P. 323–340.

Grady J. E., Oakley T., Coulson S. Blending and Metaphor // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / Eds. G. Steen, R. Gibbs. Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 101–124.

Jackendoff R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford Univ. Press, 2002. 477 p.

Lacan J. *Ecrits*. P.: Seuil, 1966. 915 p.

Lakoff G. *Metaphors We Live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.

Langacker R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. 540 p.

Langacker R. W. Grammar and Conceptualization. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.

Linsky L. Names and Descriptions. Chicago; L., 1997. 184 p.

Manetti G. Theories of the Sign in Classical Antiquity / Ch. Richardson (trans.). Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1993. 216 p.

Menary R. Cognitive Integration. Mind and Cognition Unbounded. Palgrave Macmillan, 2007. 207 p.

Merleau-Ponty M. The Structure of behavior / Alden Fisher (trans.). Boston.: Beacon Press, 1963. 286 p.

Merrel F. Sign, Mind, Time, Space: Contradictory Complementary Coalescence // *Semiotica*. 2009. Vol. 177, № 1/4. P. 29–116.

Nöth W. Semiotic Aspects of Metaphor // *The Ubiquity of Metaphor. Metaphor in Language and Thought* / Eds. W. Paprotté, R. Dirven. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 1–16.

Peirce Ch. S. The Collected Papers of Charles S. Peirce / Eds. C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1958. 3768 p.

Quine W. van O. Word and Object. The Massachusetts Institute of Technology, 1960. 296 p.

Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // *Journal of Experimental Psychology*. 1975. № 104. P. 192–233.

Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. N. Y.: Hillsdale, 1978. P. 27–48.

Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. Going beyond Metaphtonymy: Metaphoric and Metonymic Complexes in Phrasal Verb Interpretation // *Language Value*. 2011. Vol. 3 (1). P. 1–29.

Saussure F. de. Course in General Linguistics / Eds. Ch. Bally, A. Sechehaye. Transl. R. Harris. Chicago: Open Court Publishing Company, 1986. 238 p.

Sebeok T. A. Symptom // *New Directions in Linguistics and Semiotics*. / Ed. J. E. Copeland. John Benjamins Publishing Company, 1984. 270 p.

Schmid H.-J. Entrenchment, Salience, and Basic Levels // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Eds. D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford Univ. Press, 2007. P. 117–138.

Talmy L. Fictive Motion in Language and «Caption» // Language and Space / Eds. P. Bloom, M. A. Peterson, L. Nadel, M. F. Garrett. Cambridge MA: MIT Press, 1996. P. 211–276.

Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. L.: A Bradford Book: Cambridge: The MIT Press, 2000. Vol. 1: Concept Structuring Systems. 565 p.

Thagard P., Stewart T. C. The AHA! Experience: Creativity through Emergent Binding in Neural Networks // Cognitive Science 2011. № 35. P. 1–33.

Welby V. L. Meaning and Metaphor // The Monist 1893. № 3/4. P. 510–525.

Wisniewski E. J., Love B. C. Relations Versus Properties in Conceptual Combination // Journal of Memory and Language 1998. № 38. P. 177–202.

Article metadata

Title: On nominal conventionality ranging in text (indirect – entrenched – direct names): integrated cognitive and semiotic view.

Author: M.I. Kiose.

Author's e-mail: maria_kiose@mail.ru.

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article attempts at representing an integral cognitive and semiotic approach to the phenomenon of direct and indirect referent naming in text. It defines the role of differentiating the process of naming and the result of naming (direct and indirect names). Considering this differentiation it becomes real to set correspondences between the stages of conceptual referent construal and results of their linguistic naming. Semiotic and cognitive aspects of direct and indirect naming are viewed as interdependent, whereas the basics of this independency are constituted by peculiar character of construal and naming operations.

Key terms: names and naming, direct, indirect, entrenched names, conceptual referent, entrenchment, entrenchment stages.

Reference literature (in transliteration):

Aristotle Sochinenija: V 4 t. M.: Mysl', 1978. T. 2. 687 s.

Arnol'd I. V. Osnovy nauchnyh issledovanij v lingvistike. M.: Vyssh. shk., 1991. 140 s.

Arutjunova N. D. Jelementy teorii referencii // Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy / AN SSSR, In-t jazykoznanija. M.: Nauka, 1976. 383 s.

Wittgenstein L. Logiko-filosofskij traktat / Per. L. Dobrosel'skij. AST Astrel', 2010. 192 s.

Irishanova O. K. Konceptual'nyj analiz i processy defokusirovanija // Konceptual'nyj analiz jazyka: sovremennye napravlenija issledovanija: Sb. nauch. tr. / RAN, In-t jazykoznanija; TGU im. G. R. Derzhavina. M.; Kaluga: Jejdos, 2007. S. 69–79.

Kobrina N. A. O sootnosimosti mental'noj sfery i verbalizacii: vzaimozamenjajemost' / otnositel'naja avtonomnost' / neodnoznachnost' vektornoj zavisimosti // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2005. № 3 (006). S. 59–69.

Kubryakova E. S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004a.

Kubryakova E. S. Ob ustanovkah kognitivnoj nauki i aktual'nyh problemah kognitivnoj lingvistiki // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. Tambov, 2004b. Vyp. 1. S. 6–17.

Cusanus N. Prosteć ob ume // Nikolaj Kuzanskij. Soch. V 2 t. T. I. M.: Mysl', 1979. S. 385–444.

Stepanov Ju. S. V trehmernom prostranstve jazyka (semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva). M.: Nauka, 1985. 336 s.

Saussure F. Sintagmatische otnoshenija i asociativnye otnoshenija // *Trudy po jazykoznaniju* / Per. s fr. A. A. Holodovicha M.: Progress, 1977. 694 s.

Jakobson R. O. *Semiotika*. M.: Raduga, 1983. 638 s. Chafe W. *Discourse, Consciousness and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago University Press, 1994. 327 p.

Derrida J. *L'écriture et la différence*. P.: Seuil, 1967. 437 p.

Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. Cambridge Univ. Press, 1997. 205 p.

Fauconnier G. *Conceptual Blending and Analogy* // *The Analogical Mind: Perspectives from Cognitive Science* / Eds. D. Gentner, K. J. Holyoak, B. N. Kokinov. Bradford Books, 2001. P. 254–285.

Fish M. H. *Peirce, Semeiotic and Pragmatism* / Eds. K. L. Ketner, Ch. J. W. Kloesel. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1986. 465 p.

Forceville C. Review of Louis Goossens, Paul Pauwels, Brygida Rudzka-Ostyn, Anne-Marie Simon-Vandenberg and Johan Vanparys. *By Word of Mouth: Metaphor, Metonymy and Linguistic Action in a Cognitive Perspective* // *Journal of Pragmatics*. 1995. № 28. P. 637–644.

Frege G. *On Sense and Reference*. Translations from the Philosophical Writings of Gottlob Frege / Eds. P. Geach, M. Black. Oxford: Blackwell, 1952 (1892). P. 56–78.

Geeraerts D. *The Interaction of Metaphor and Metonymy in Composite Expressions* // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / Eds. R. Dirven, R. Porings. Berlin; N. Y., 2002. P. 435–465.

Gentner D. *Structure Mapping: A Theoretical Framework for Analogy* // *Cognitive Science*. 1983. № 7. P. 155–170.

Givon T. *Beyond Foreground and Background* // *Coherence and Grounding in Discourse* / Ed. by R. S. Tomlin. Amsterdam; Philadelphia, 1987. P. 175–168.

Goossens L. *Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action* // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1. P. 323–340.

Grady J. E., Oakley T., Coulson S. *Blending and Metaphor* // *Metaphor in Cognitive Linguistics* / Eds. G. Steen, R. Gibbs. Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 101–124.

Jackendoff R. *Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution*. Oxford Univ. Press, 2002. 477 p.

Lacan J. *Ecrits*. P.: Seuil, 1966. 915 p.

Lakoff G. *Metaphors We Live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. 242 p.

Langacker R. W. *Foundations of Cognitive Grammar*. Stanford, CA: Stanford Univ. Press, 1987. Vol. 1: *Theoretical Prerequisites*. 540 p.

- Langacker R. W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 2000. 427 p.
- Linsky L. *Names and Descriptions*. Chicago; L., 1997. 184 p.
- Manetti G. *Theories of the Sign in Classical Antiquity* / Ch. Richardson (trans.). Bloomington and Indianapolis: Indiana Univ. Press, 1993. 216 p.
- Menary R. *Cognitive Integration. Mind and Cognition Unbounded*. Palgrave Macmillan, 2007. 207 p.
- Merleau-Ponty M. *The Structure of behavior* / Alden Fisher (trans.). Boston.: Beacon Press, 1963. 286 p.
- Merrel F. Sign, Mind, Time, Space: Contradictory Complementary Coalescence // *Semiotica*. 2009. Vol. 177, № 1/4. P. 29–116.
- Nöth W. *Semiotic Aspects of Metaphor // The Ubiquity of Metaphor. Metaphor in Language and Thought* / Eds. W. Paprotté, R. Dirven. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1985. P. 1–16.
- Peirce Ch. S. *The Collected Papers of Charles S. Peirce* / Eds. C. Hartshorne, P. Weiss, A. W. Burks. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1958. 3768 p.
- Quine W. van O. *Word and Object*. The Massachusetts Institute of Technology, 1960. 296 p.
- Rosch E. *Cognitive Representations of Semantic Categories* // *Journal of Experimental Psychology*. 1975. № 104. P. 192–233.
- Rosch E. *Principles of Categorization // Cognition and Categorization*. N. Y.: Hillsdale, 1978. P. 27–48.
- Ruiz de Mendoza F. J., Galera-Masegosa A. *Going beyond Metaphtonymy: Metaphoric and Metonymic Complexes in Phrasal Verb Interpretation* // *Language Value*. 2011. Vol. 3 (1). P. 1–29.
- Saussure F. de. *Course in General Linguistics* / Eds. Ch. Bally, A. Sechehaye. Transl. R. Harris. Chicago: Open Court Publishing Company, 1986. 238 p.
- Sebeok T. A. *Symptom // New Directions in Linguistics and Semiotics*. / Ed. J. E. Copeland. John Benjamins Publishing Company, 1984. 270 p.
- Schmid H.-J. *Entrenchment, Salience, and Basic Levels* // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* / Eds. D. Geeraerts, H. Guyckens. Oxford Univ. Press, 2007. P. 117–138.
- Talmy L. *Fictive Motion in Language and «Caption»* // *Language and Space* / Eds. P. Bloom, M. A. Peterson, L. Nadel, M. F. Garrett. Cambridge MA: MIT Press, 1996. P. 211–276.
- Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. L.: A Bradford Book: Cambridge: The MIT Press, 2000. Vol. 1: *Concept Structuring Systems*. 565 p.
- Thagard P., Stewart T. C. *The AHA! Experience: Creativity through Emergent Binding in Neural Networks* // *Cognitive Science* 2011. № 35. P. 1–33.
- Welby V. L. *Meaning and Metaphor* // *The Monist* 1893. № 3/4. P. 510–525.
- Wisniewski E. J., Love B. C. *Relations Versus Properties in Conceptual Combination* // *Journal of Memory and Language* 1998. № 38. P. 177–202.